

СЕРГЕЙ ГАРИН

ДЕНЬГИ

Сергей Гарин

Деньги

«Public Domain»

1917

Гарин С. А.

Деньги / С. А. Гарин — «Public Domain», 1917

«На московских бульварах, лет двадцать назад, куда было оживленнее, чем теперь. Раньше молодежь была бодрее, взгляд её на жизнь не был отравлен ни политикой, ни экономическими запросами. Жилось всем вольно и хорошо, – кому бедно, кому – богато, но, во всяком случае, не скучно... И на московских бульварах, в особенности летом, собирались и домные, и бездомные, и уставшие от службы за день и – от одиночества за всю жизнь... Собирались сюда и женщины, и девушки, промышлявшие ремеслом позорным, – с накрашенными щеками, с подведенными бровями и глазами... Приходили и студенты и чиновники, молодые, безусые, с дырявыми карманами, но с большими горизонтами в душе...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Сергей Гарин

Деньги

I

На московских бульварах, лет двадцать назад, куда было оживленнее, чем теперь. Раньше молодежь была бодрее, взгляд её на жизнь не был отравлен ни политикой, ни экономическими запросами. Жилось всем вольно и хорошо, – кому бедно, кому – богато, но, во всяком случае, не скучно... И на московских бульварах, в особенности летом, собирались и домные, и бездомные, и уставшие от службы за день и – от одиночества за всю жизнь... Собирались сюда и женщины, и девушки, промышлявшие ремеслом позорным, – с накрашенными щеками, с подведенными бровями и глазами... Приходили и студенты и чиновники, молодые, безусые, с дырявыми карманами, но с большими горизонтами в душе.

Были беспечны к своей нужде, но любили горячо весь мир и прощали жизни все её несправедливости...

Ежедневно, на Тверском бульваре, под вечер, собиралась компания молодых людей, состоявшая из двух студентов-медиков, одного техника и телеграфиста. Все это была молодежь, все были люди бедные, живущие уроками и трудом. Студенты были пятикурсники. Один – высокий и рыжий, с копной таких же волос и голосом хриплым от спиртного излишества и нетопленной, по зимам, комнаты. Звали его весьма странно: Мелевсипом, а фамилия его была Хлопов. Но товарищи и знакомые, для упрощения, прозвали его просто Мастифом, да эта кличка как раз и подходила к его громоздкой фигуре, массивной и коренастой. Силы Мастиф был непомерной, но кроток и незлобив, как барашек. Другой студент – полная противоположность первому: худенький, щупленький, подвижной, как угорь. Был он поляк. Звали его Казимиром Студницким.

Техника звали Провушкой. Фамилии его никто не знал, была она не то Иванов, не то Петров, – одним словом простейшая русская фамилия. Но под «Провушкой» его знал весь Тверской бульвар, как знали и о том, что учился он в училище путей сообщения. И был еще телеграфист казённого московского телеграфа – Анатолий Серебрянский. Откуда он появился, – даже на московском телеграфе не знали. Пришел он, в один прекрасный день, в аппаратную с какой-то бумажкой из главного управления, молча сел на отведенное ему место, и сразу же заработал, как опытный и бывалый работник. На расспросы о себе, Анатолий отвечал мало, неохотно и все больше полуответами. Но успели заметить окружающие, что пришелец недюжинных способностей и образован более, чем другие... С бульварной компанией Серебрянский познакомился случайно, и с тех пор проводил с ними все свободное время.

Были и девицы в этой компании. Юзья – чистокровная полька, плохо говорившая по-русски, лет 25, но уверявшая, что ей не исполнилось еще и двадцати. Она любила Анатолия, чувствуя, в нем силу внутреннюю, побаивалась его немного, но уважала за то, что телеграфист не только не брал у неё денег, но, иногда, даже сам делился, хотя был беден, как церковная крыса.

У Мастифа была Нюрка – маленькая, ловкая девчонка, пошедшая в проститутки не более года назад. Звала она своего студента «папашкой», ходила с ним всегда по бульвару под руку, причем казалась такой маленькой и жалкой, рядом с этим богатырем.

Студницкий вел знакомство с Розалией Францевной – рижской немкой, молоденькой, глуповатой и наивной. Несмотря на свою профессию, в которой Розалия находилась не менее пяти лет, она на многие вещи искренно смотрела глазами ребенка.

И, наконец, у Провушки была Аннушка – молоденькая швейка, пошедшая по этому пути просто по легкомыслию.

Жила вся эта компания очень дружно, встречаясь почти каждый день, по вечерам, на Тверском бульваре. Если у кого из мужчин были деньги – шли в ближайший трактир, пили там скверное вино и водку, ели яичницу и сосиски с капустой, а затем – девицы шли на заработок, студенты расходились по домам... И не было в этом знакомстве с девицами ни малейшего намека на сутенерство... Правда, пользовалась иногда молодежь даровыми ласками этих женщин, но было это только по бедности и молодости, и, при первой же деньге, женщинам накопили посильные подарки...

Иногда, а это бывало только в скверную погоду, когда у женщин заработка не предвиделось – вся компания шла на квартиру к Юзьке, и сидели там до рассвета, за полдюжиной пива, распевая студенческие песни под гитару. Играл обыкновенно Анатолий – он и на рояле играл великолепно, а остальные пели безголосо, но с настроением.

После «вечеринки» гости укладывались «по способности», кто на диване, кто на полу...

И так летело время... Чередовались дни. Катилось колесо утренних и вечерних часов. Сменялись времена года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.